

Александр Стесин

Нью-Йоркский обход

Александр Михайлович Стесин

Нью-йоркский обход

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43034980

Нью-йоркский обход: Новое литературное обозрение; Москва; 2019

ISBN 978-5-4448-1099-6

Аннотация

Александр Стесин – поэт, прозаик, путешественник и врач-онколог, автор книг «Вернись и возьми», «Ужин для огня» и «Путем чая». Его новая книга – рассказ о работе в госпиталях, разбросанных по всему Нью-Йорку. Город, где сосуществует множество культур, и медицинский опыт, порой экстремальный, – все это поводы подумать о том, насколько разных людей приводит сюда судьба и насколько условной эта разность делается перед лицом беды и стремлением помогать друг другу. Лучше осмыслить свой опыт изучения мира и лечения людей писателю позволяет взгляд с расстояния – вот почему книга, начавшаяся в Нью-Йорке, заканчивается в Нью-Дели.

Содержание

Бронкс	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Стесин

Нью-Йоркский обход

© А. Стесин, 2019,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Бронкс

Лопес¹

– Припозднился ты, папи, нельзя заставлять больного так долго ждать. Мне со вчерашнего вечера никто повязку не менял. Совсем, видно, про меня забыли.

– А я-то тут при чем? Не я вчера дежурил. Ну давай, Лопес, ложись, будем менять.

Он лег на спину и, устроившись поудобнее (скрестив ноги, подложив руки под голову), кивнул: валяй.

– Вот я и говорю, папи, кроме тебя обо мне тут никто не позаботится. Я и соседям своим так сказал: вон, говорю, идет мой доктор, уж как он умеет менять мне повязки, никто больше так не умеет!

Этот диалог повторялся у нас каждое утро. Хорхе Лопес, немолодой пуэрториканец с огромным пузом, провел в больнице уже больше трех месяцев и, судя по всему, никуда отсюда не собирался. Колит, с которым он поступил к нам, вылечили раз и навсегда, удалив толстую кишку. Но в послеоперационный период начались осложнения, расхождение кра-

¹ Хотя в основу этой книги легли реальные события, не следует воспринимать ее как документальную прозу. Все имена, за исключением имени автора, вымышленные.

ев разреза, бактериемия. Лопеса откачали, разрез повторно открыли и оставили заживать «естественным способом». Как правило, зараженные раны так и заживают, при условии что сам больной не мешает процессу, соблюдает правила гигиены и т. д. В случае Лопеса все было ровно наоборот: понятия «гигиена» и «постельный режим» были ему чужды. Успев побрататься с другими, такими же, как он, пациентами со стажем, он целыми днями слонялся по этажу либо смылся через черный ход – покурить и купить пива в ближайшем ларьке. То и дело снимал повязку (надо потрогать, проверить, заживает ли).

– Как там, папи, заживает, нет? По-моему, только хуже становится.

– Хуже не хуже, а улучшения пока не видно. Тебе бы вакуум² поставить, сразу бы лучше стало. А так и за три года не заживет. Хочешь, я тебе вакуум поставлю?

– Не-не-не, папи, вакуум мне нельзя, даже не думай. Он мне все брюхо раздерет, я с ним ни спать, ни жить не смогу!

– Ну как знаешь.

Возможно, он нарочно подыгрывал, видя, что мне нравится этот ритуал, его фамильярность и то, как он вальяжно расположился на своей койке (вид клиента массажного салона), пока я вожусь с его распоротым брюхом, промывая никак не срастающуюся фасцию, покрытую зеленоватой

² Имеется в виду герметичная повязка, соединенная с вакуумным насосом, откачивающим жидкость из раны.

плесенью. В непроветриваемой палате пахнет сигаретами и фастфудом. По телеку крутят фильм тридцатилетней давности, в котором один из голливудских ковбоев охотится за советскими шпионами («Доктор, ты ведь руссо? Тогда это для тебя...»). Уставившись в экран под потолком, я продолжаю машинально разматывать бинт, повторяю назидательно-бессмысленную речь о необходимости следовать предписаниям врача и здоровом образе жизни. Для меня это десять минут отдыха.

Если ты живешь в Южном Бронксе, тебе незачем смотреть боевики. Узнав, что меня отправляют на стажировку в печально известный Линкольн-Хоспитал, знакомый хирург резюмировал: «Ну что ж, побудешь фронтовым врачом. Заодно и испанский подучишь». Насчет последнего он все-таки ошибался, хотя значительную часть местного населения составляют пуэрториканцы, доминиканцы и прочие латинос. Дело в том, что многие из врачей, работающих в Линкольне, – тоже эмигранты, но испанским они не владеют. В основном это африканцы, индийцы или выходцы из Восточной Европы – все те, чей американский путь к звездам лежит через тернии бесконечных переэкзаменовок и ординатуры в гетто. Двум сторонам трудно найти общий язык, приходится объясняться на пальцах. К счастью, в операционке все несколько проще.

В отличие от других, Лопес бегло изъяснялся поанглийски, никогда не упуская случая выступить в качестве пере-

водчика. Когда ему становилось невмоготу сидеть у себя на шестом этаже, он сбегал в травмпункт поприветствовать новоприбывших.

– Ай-ай-ай, чико, Габриэлу опять порезали. Доктор, ее опять муж порезал, да?

– Хватит здесь ошиваться, Лопес, иди обратно в палату.

– Сейчас, папи, сейчас. Эй, а кого это там привезли? Небось Фернандо?

– Не знаю, Лопес, это не мой пациент. Да и если бы знал...

– Точно Фернандо, он на сто сорок пятой улице живет, только что из тюрьмы вышел. У него старший брат – большой человек в Доминиканской.

Рассказывать о своей «добольничной» жизни Лопес отказывался, так что его осведомленность некоторое время оставалась загадкой. На наркодилера он не был похож, на священника тоже. Откуда же ему известна биография каждого бандита в Южном Бронксе? Дело выяснилось, когда в Линкольн поступила престарелая сеньора Лопес, мать героя (поступила, как ни странно, все с тем же колитом). Разгадка оказалась до обидного простой: Лопес – мороженщик, в свободное от лазарета время он толкает по Бронксу тележку с эскимо.

Прибытие матери было как бы сменой караула: на следующий же день Лопес удрал из больницы, прихватив с собой недельный запас бинтов и соляного раствора. «Вы не обижайтесь, – успокаивала la madre. – Он ненадолго. Просто у

него там дела какие-то появились. Вот он их доделает и сразу вернется. Ему здесь хорошо...»

Через три дня его тело нашли на стоянке возле супермаркета «Вестерн Биф». Непредумышленное убийство, то бишь бытовая поножовщина или что-то вроде того, толком не разобраться.

Эльба

Друзьям и родственникам, приходившим навестить больных, выдавали временные пропуска. Все, что требуется для получения такого пропуска, – это пройти через металлодетектор и предъявить удостоверение личности (необязательно своей). Охранник вводит данные в допотопный компьютер и, сделав фотографию анфас, распечатывает карточку, которую посетитель обязан наклеить на грудь. С этими наклейками связан забавный обычай: перед уходом посетители переклеивают их на дверь палаты или на спинку кровати больного. Традиционное «здесь был Вася» с фотографией. Иногда мне казалось, что лица на снимках повторяются: вот этот «Мартинес, Рикардо» висел на двери и у предыдущего подстреленного братка. Не исключено, что на одном из тревожных объявлений, расклеенных по бронкскому метро, это небритое лицо запечатлено также и в профиль.

По количеству наклеек можно судить о социальном статусе пациента. У молодого гангстера их наберется десяток,

а то и два; у не гангстера – поменьше (в основном навещает родня). После определенного возраста многие лежат и все без наклеек. Таких привозят в травмпункт после ДТП; откачав, держат в стационаре по несколько дней в надежде найти какого-нибудь родственника, чтобы тот оплатил больничный счет. Но родственников нет, как нет и истории болезни. Просто еще один безымянный бомж с белой горячкой или безумная старуха, выкатившаяся на проезжую часть во время эпилептического припадка. В придачу к эпилепсии у нее – последняя стадия болезни Альцгеймера. Вот уже вторую неделю она лежит пластом, отказываясь от пищи и таблеток. Можно колоть галоперидол или успокоительное, но это мало что изменит.

«Буенос диас, Эльба! Комо сэ сиенте? Комо сэ сиенте эста маньяна?»³ Я осторожно кладу ей руку на плечо, пытаюсь растолкать. Больно вцепившись ногтями в мое запястье, Эльба выкрикивает что-то нелестное на малопонятном мне языке, а через минуту снова уходит в себя, натягивая на голову одеяло, заворачиваясь в тишину одиночной палаты, куда Альцгеймер шлет ей фантомов из прошлого, как океан Солярис. Но однажды утром, когда все документы о переводе Эльбы в дом престарелых уже оформлены, один из гостей орбитальной станции вдруг оказывается вполне телесным: гнилые зубы, сморщенное лицо, плешь, наполовину прикрытая

³ Доброе утро, Эльба! Как самочувствие? Как вы себя сегодня чувствуете? (исп.)

капюшоном. Во время утреннего обхода он подзывает ординатора и говорит, что пришел забрать мать домой. В дом престарелых не надо, в психушку не надо. Сиделку, чтобы помогала с уходом, тоже не надо, без сиделок как-нибудь обойдутся. Он сам будет ей готовить – знает, что она любит. «К больничной еде она никогда в жизни не притронется, – говорит он, уплетая завтрак, который принесла Эльбе медсестра. И, слегка смутившись, добавляет: – Ну порцию-то уже принесли, а она это есть не хочет... Так что я вместо нее пожую, можно?»

– А вы понимаете, что у вашей матери болезнь Альцгеймера?

– Что у нее, что?

– Болезнь Альцгеймера. Вам будет нелегко за ней ухаживать. Вы уверены, что готовы взять на себя эту ответственность?

– А-а... В смысле, что она иногда забывает? Я ей буду напоминать. Нам вдвоем хорошо, мы телевизор вместе смотрим... Это же моя мама...

Покончив с завтраком, он вытирает губы краешком простыни, затем поворачивается к Эльбе, протягивает ей руку. И тогда она – взъерошенная, одетая в безразмерную госпитальную ночнушку – послушно усаживается на койку рядом с сыном и гладит его ладонь, узнавая или не узнавая.

Назир

В хирургии, как и в армии, все построено по принципу «субординация и выслуга лет». Золотые руки и железные нервы. Рабочий день начинается в пять утра, а заканчивается когда в девять вечера, когда в три часа ночи. Досуг ограничивается коктейлями раз в месяц и периодическими вылазками в стрип-клуб с коллегами. Но и тут все непросто: особое гусарство состоит в том, чтобы, выпив больше всех, на следующее утро приплестись на работу ни свет ни заря и оперировать еще дольше, чем обычно. Перманентная нехватка свободного времени обрастает традициями, помогающими сделать жизнь более разнообразной. Так, например, в каждой операционке установлена стереосистема – ни одна операция не обходится без музыкального сопровождения. Музыку заказывает старший, а от ассистента требуется доскональное знание музыкальных предпочтений светила: кто и когда входил в состав любимых рок-групп, годы выпуска любимых альбомов. От того, насколько твердо ты знаешь этот материал, может зависеть, дадут ли тебе сегодня оперировать.

Хирургическим отделением в Линкольне заведовал двухметровый доктор Вагран, отчаянно пытавшийся привить коллегам любовь к консилиумам и ученому дискурсу. Раз в неделю он устраивал заседания «журнального клуба», где

предполагалось обсуждение последних достижений в области биомедицинских исследований. Заседания исправно посещались, но отскерокопированных научных статей, которые Вагран заблаговременно вручал каждому лично, никто никогда не читал, включая самого Ваграна. Впрочем, это не мешало председателю втягивать присутствующих в длительные дискуссии. «Наша миссия, – говорил председатель, – заключается в том, чтобы преобразить Линкольн-Хоспитал в настоящий академический центр...» Коллеги, кто во что горазд, принимались развивать эту маниловщину.

Оперировать с Ваграном было хорошо: в отличие от других, он почти не орал на ассистентов и, даже когда выходил из себя, оставался в меру дипломатичным. Выступая в роли наставника, он был полон энтузиазма и полезных советов, но советы всегда были немного мимо цели. Так или иначе, на выигрышном фоне brutальных методов его предшественника, соблазнявшего новобранцев предложениями «пооперировать» после суточного дежурства («Ну что, доктор, идешь домой отсыпаться? А мы как раз хотели предложить тебе пооперировать... Завтра уже не предложим...»), педагогический подход Ваграна казался более чем гуманным.

Роль старшины была отведена ординатору Фаруку Назиру. Отец Назира занимал какой-то важный пост – чуть ли не замминистра здравоохранения – в Пакистане, о чем коллегам по ординатуре приходилось слышать пять раз на дню. Говорили, что именно этот факт родословной и побудил Ва-

грана взять Назира-сына, трижды провалившего вступительный экзамен, к себе в отделение.

Наше знакомство со «старшиной» состоялось во время моего первого дежурства, когда он растолкал меня в три часа ночи, сославшись на необходимость срочно узнать мою фамилию. За пятнадцать минут до того закончилась последняя ночная операция и, воспользовавшись затишьем, я лег было поспать пару часов до обхода.

– Ты спишь? – Спросил он, зажигая свет в ординаторской.

– Сплю.

– Ну, спи... Просто я хотел узнать, как тебя зовут. Меня зовут Назир, а тебя как?

Я представился.

– Послушай, тут такое дело. У меня на шестом этаже лежит одна пациентка, вот я тут записал тебе ее фамилию и номер палаты. Я хочу, чтобы ты поставил ей капельницу и катетер. Заодно возьмешь у нее анализы и отнесешь их в центральную лабораторию. Это срочно. А потом можешь спать до обхода. Идет?

Пока я натягивал башмаки, а Назир готовился занять освобожденную мною койку, в соседнем закутке проснулся Вагран. Он в ту ночь, даром что заведующим, тоже дежурил, заменяя захворавшего подчиненного.

– Назир, ты почему спать не ложишься? Отдохнул бы, пока есть возможность.

– Что вы, доктор Вагран, – отвечал Назир через стенку, –

какое там спать. Мне еще нужно поставить пациентке капельницу, потом отнести анализы в лабораторию. Думаю, до обхода не лягу...

«Ничего, я тебе это припомню», – думал я, копошась в медсестерской в поисках иглы и катетера. Но, как вскоре выяснилось, замышлять злую месть было совершенно необязательно: Назира и так пинали ногами все кому не лень, а он только и делал, что подставлялся. «Ну-ка, быстро расскажи нам, какие основные сосуды я собираюсь лигировать во время этой операции», – экзаменовал он студента-медика, и всем, кто присутствовал в операционке, от студента до главхирурга, сразу же становилось ясно, что Назир сам не уверен, что он там должен или не должен лигировать. «Думаю, не стоит мешкать с антибиотиками, предлагаю начать курс сегодня же», – говорил он, обсуждая послеоперационное лечение пациента, и все понимали, что он попросту забыл назначить предоперационную профилактику... Впрочем, пинали его и без повода, просто так – из уважения к традиции.

Чем дальше, тем больше Назир старался избегать встреч с коллегами за пределами операционки, поэтому и ночевал, как правило, не в ординаторской комнате, а где-то еще. После той первой ночи я видел его в этой комнате только однажды, когда, заскочив, чтобы взять припасенную с вечера еду, застал его за коленопреклоненной молитвой на подстеленном полотенце. Поначалу я решил, что он занимается йогой, и уже открыл рот, чтобы возмутиться (полотенце-то бы-

ло мое), но, услышав samozабвенную скороговорку глядящего в сторону Мекки, запнулся. Случайное свидетельство другой, не взятой в расчет стороны его жизни дало волю воображению. Мне представился седовласый Назир-отец, почетный прихожанин мечети, до слез гордящийся заокеанскими успехами сына.

Стараясь не мешать намазу, я тихо взял свой мешок с бутербродом, проскользнул к двери, и в этот момент Назир, как будто прочитав мои мысли, вскочил как ужаленный.

– Ты что делаешь? Ты почему... не на операции?

– Операция закончилась, Назир. Очень странно, кстати, что тебя там не было. Имею я право позавтракать?

– Ты как разговариваешь со старшим по званию? Я все Ваграну расскажу, ты слышишь?

Капать он капал, но куда больше капали на него. Вагран, вполне поощрявший все эти доносы, по-своему заступался за министерского сынка. «Молодой еще, вырастет – научится», – добродушничал Вагран, чем вызывал всеобщий смех: как-никак Назиру было уже сильно за сорок.

Завсегдатаи

Работая в Линкольне, ты практически не видишь выздоравливающих; видишь либо умирающих, либо хронически

больных. Последних здесь называют «frequent flyers»⁴. Всякий раз я пытаюсь, но не могу представить себе их существование за пределами госпиталя. Как вообще живут люди изо дня в день? Насколько непроницаема для меня, прохожего, их жизнь, настолько знакома, привычна ее оболочка: и одноэтажные лачуги, в которых уютится испаноязычная служба быта, и грязнокирпичные проджекты с изнаночным лабиринтом пожарных лестниц, и местный стрит-арт, восходящий не то к мексиканским муралистам, не то к изощренным граффити Баския, и религиозные воззвания на каждом углу, и вывески стрип-клубов с рекламой обедов за полцены («самые красивые девочки, самые дешевые буррито»), и реклама уроков английского или уроков вождения, и полуогнившие скелеты автомобилей на штраф-стоянке, и велосипеды, украшенные пуэртоториканскими флажками и оснащенные допотопными магнитофонами, чтобы можно было кататься с музыкой, и эта солнечная латинская музыка из каждого окна, круглосуточный саундтрек для столь неприглядных видов.

В зимние дни «frequent flyers» отогреваются в битком набитом приемнике. Некоторые из них находятся здесь «по делу»: ампутации и дренирование абсцессов, хлеб линкольнской хирургии. К некоторым приставлена охрана; этих перевели сюда на время из тюрьмы Райкерс-Айленд. Дело обычное: в больницу попадают не только жертвы перестрелок, но

⁴ «Часто летающие пассажиры».

и сами стрелки². Присутствие полиции сильно помогает – не столько в смысле личной безопасности, сколько в качестве катализатора для развития добрых отношений между врачом и пациентом. Из двух зол узник выбирает меньшее; надзиратель в белом халате предпочтительней того, что в синей форме. Да и сама больница – не худшее из мест заключения, даже если заключенному и приходится проводить дни и ночи, не вставая с постели (наручники пристегнуты к спинке кровати). Зато кормят здесь, видимо, попримичнее, чем там, и телевизор можно смотреть сколько влезет.

Попадают среди постояльцев и такие, чей основной недуг – хроническая бездомность. Взять хотя бы Карабассоса и Вульски. Эту неразлучную парочку привечает сердобольный психиатр, доктор Асеведо. Вот они сидят в ожидании своего благодетеля, два коротышки с залысынами и бакенбардами, как две капли похожие друг на друга (тот, что чуть покрупнее, – Вульски).

– Ну, рассказывай, Карабассос, на что жалуешься.

– Депрессия, доктор.

– Понятно. Что еще?

– Мания, доктор. Паранойя. Иду по улице, смотрю: все против меня.

– Молодец. Дальше?

– Агрессия. Страшные приступы агрессии. В такие минуты я опасен для окружающих.

– Ладно. Переночуешь у нас?

– Ой, доктор, – вздыхает Карабассос, – боюсь, придется.

– Черт с тобой, – соглашается Асеведо, – разместим тебя как-нибудь на шестом этаже.

– Спасибо вам, доктор, спасибо... Только вот как со сном-то быть? Может, перкоцета немножко, а?

– Ну, перкоцет я тебе не дам, а снотворное, так уж и быть, получишь.

– Доктор, вы просто ангел. Может, еще виколина чуть-чуть на всякий случай?

– Карабассос, не перегибай палку. Полтаблетки диазепама, и хватит с тебя... Иди сюда, Вульски, рассказывай.

(Карабассос уходит; на его месте тут же появляется Вульски.)

– Я нахожусь на грани самоубийства, – начинает он тяжелым басом.

– Понятно... И давно находишься?

– Вы надо мной потешаетесь. Потешайтесь. Но если вы откажете мне в приюте и я покончу с собой, эта смерть будет на вашей совести. Вас отдадут под суд!

– Дурак ты, Вульски. Вот тут только что выступал твой друг Карабассос, он поумнее будет. Он доктору не грубил, поэтому сейчас отправится в уютную палату, где его накормят и дадут таблетку. А ты, Вульски, дурак. На улицу я тебя не выкину, но за свое поведение ты будешь ночевать не у нас на шестом, а здесь, в приемнике. И никакого тебе сегодня диазепама.

В рапортах доктора Асеведо пациенты Карабассос и Вульски проходили по ведомству «маниакально-депрессивный психоз». За престарелой Флорой Кабесас был закреплен диагноз «шизоаффективное расстройство». Она навевалась по два-три раза в неделю, неизменно жалуясь на головокружения, хотя все прекрасно знали, что она ночует у нас потому, что дома ее бьет сын. Рано или поздно каждый из этих заведомо исчезающих так же внезапно, как появился.

«Чем больше мы тратим ресурсов на такую благотворительность, тем меньше у нас остается возможностей помочь тем, кто действительно нуждается в нашей помощи, – урезонивал коллег главврач. – Приятно быть матерью Терезой за больничный счет. Но зарплату-то платят за лечение больных. От чего мы лечим Карабассоса или ту же Кабесас? От тяжелой жизни? А когда к нам поступает ребенок, родившийся с пороком сердца, сын или дочь наркоманки, мы ставим ребенка на очередь, потому что у нас нет коек. Потому что на койке покоится задница Карабассоса. Не верите, полистайте отчеты за последнее полугодие...» Отчетов за полугодие я не листал, но и детей наркоманки, стоящих у нас на очереди, тоже не видел. Тем, кто нуждается в помощи больше всего, редко случается добраться до приемного покоя.

* * *

В перерывах между абсцессами и ампутациями я выхо-

жу подышать воздухом у служебного входа, старательно не замечая переминающихся рядом завсегдатаев – коренастого Проповедника и долговязого Серхио в шапке-ушанке. Эту ушанку Серхио носит зимой и летом, она нужна, чтобы заглушать голоса. О том, насколько успешно идет борьба с голосами, можно судить также и по растительности: если нижняя часть его лица упрятана в свалывшуюся бороду, значит, ни ушанка, ни нейрорептики не помогают. Бедный Серхио забивается в угол; отвернувшись от мира, он изо всех сил бьет себя запястьем по голове. Если же борода аккуратно подстрижена или вовсе отсутствует, значит, наступил период просветления. В такие дни свежесбривший Серхио сидит на ступеньках у входа в госпиталь и, беззубо улыбаясь, машет своей шапкой-невидимкой торопящимся мимо врачам. К сожалению, в последнее время он бреется все реже.

Что же касается Проповедника, я познакомился с ним пару месяцев назад, когда в нарушение всех правил безопасности вышел на улицу во время ночного дежурства. «Молись», – сказал неведь откуда возникший человек в капюшоне. Поначалу я подумал, что обращаются не ко мне. «Я сказал, молись. Вставай на колени!» Каменное лицо, вид полного безразличия, как учили на обязательных курсах самообороны. «Ах, ты меня не слышишь? Сейчас услышишь...» Порывшись в кармане, он извлек раскладной нож с узким лезвием и показал мне его так, как дети показывают клад, найденный в песочнице: драгоценный трофей на

распростертой ладони. Изю всех сил стараясь казаться спокойным, я попятился к служебному входу. «Ты куда это собрался?» Он угрожающе двинулся на меня, но, точно в ответ на его движение, где-то взвыла сирена. Проповедник остановился, глотнул воздух и, согнувшись так, как будто его самого только что пырнули ножом, зашелся в приступе астматического кашля. Удрать, пока есть возможность, или попробовать затащить астматика в больницу, чтобы там оказали помощь? Кажется, самое глупое и малодушное в такой ситуации – это стоять на месте, бессмысленно глядя, как человека трясет. Однако именно это я и делал. Подойти боязно, но боязно и оставить: если, не дай бог, помрет, ответственность будет на мне. По счастью, через несколько минут его отпустило. Прислонившись к стене, он устало съехал на корточки и напрочь забыл о моем существовании.

На следующее утро я увидел его среди ждущих в травмпункте. Как выяснилось, в предыдущую ночь он пустил по вене «спидбол», то есть смесь кокаина с героином, но, по его же словам, «перепутал пропорции», в результате чего всю ночь мучился, а под утро грохнулся об асфальт и расквасил физиономию. Меня он, конечно, не узнал, ласково называл «доктор» и «папи», виновато улыбался, то и дело засыпая посреди своего путаного рассказа о злоключениях предыдущей ночи. Человек, которому он настойчиво предлагал помолиться, в повествовании не фигурировал.

«Странно, обычно он у нас мирный, – удивился мой на-

парник, когда я рассказал ему о ночной встрече. – Может, ему и вправду какую-то неправильную наркоту подсунули. Вообще-то он из набожных. Прихожанин. Все пытается молитвами с героина сойти. Старается, в общем...»

Омана

Между утренним обходом и первой операцией – десятиминутный перерыв, время собраться с мыслями. За окном медленно светает, на тусклом фоне февральского неба вырисовывается трущобно-городской пейзаж. Неприветливые ларьки, полуобрушившиеся здания, решетчатый мост, украшенный гирляндой электрички. Лишь бы с погодой везло: если на улице дождь, дежурство будет более или менее спокойным. Об этой «примете» мне поведал доктор Омана, слегка обрюзгший красавец доминиканского происхождения. «Во время дождя нас никто не дергает, все по домам сидят. А вот как солнце выглянет – тут они и выползают на свет Божий. И пойдет тогда к нам острая травма сплошным потоком. Это не люди, это насекомые...» Подобные реплики в адрес собратьев от Оманы можно было услышать довольно часто. Тем не менее полтора года назад, когда ему, наконец, выпала возможность перейти на более высокооплачиваемую работу в пригородную частную клинику, он предпочел остаться в Линкольне. На вопрос «почему?» Омана отвечал, что лучше вписывается в здешний коллектив.

Коллектив, то есть постоянный состав отделения хирургии, не включавший ординаторов-индийцев или стажеров вроде меня, был настолько разношерстным и странным, что в него и впрямь трудно было бы не вписаться. Был здесь и пожилой растаман с Ямайки, специалист по мастэктомиям, и страшный, похожий на фельдфебеля немец Людерс, специализировавшийся на педиатрической хирургии; и красноносый Мэдлинкер, бывший слесарь-сантехник, в тридцать с лишним внезапно решивший заделаться травмхирургом; и ортодоксальная еврейка Рэйчел Кац, чей муж таскался в больницу по ночам, принося из дома кульки с еще теплой кошерной едой.

В вестибюле, куда я по обыкновению спускался купить отдающий бытовой химией кофе «с-молоком-без-сахара» («регюлар кофе но» на языке пуэрториканки-продавщицы), стояли два истукана с дубинками. После стольких часов неподвижного держания крючков в операционке начинаешь чувствовать солидарность со всеми, чье дело – стоять по стойке смирно. Во всяком случае, то сомнамбулическое состояние, которое маскируется сосредоточенно хмурым выражением лица и позой боевой готовности, мне хорошо знакомо. Если бы в данную минуту в больницу ворвался какой-нибудь маньяк, эти охранники молниеносно повязали бы его, продолжая пребывать все в том же полусне. Но никакого маньяка в вестибюле не было, да и вообще никого не было, потому что на улице дождь, так что можно отключить-

ся в открытую и стоять так втроем – они со своими дубинками, я со своим кофе, – хотя как раз в эту минуту по громкоговорителю уже в третий раз объявляли «код травмы».

В травмпункте меня встретили красноглазый, ошалевший от вечного недосыпа доктор Омана и старший ординатор Назир.

– Ты где был? – спросил Омана. – Код уже десять минут как объявили.

– Я лифта ждал...

– Слышь, доктор, не тормози. Когда вызывают, должен бежать, а не кофе пить, понял?

На носилках, вокруг которых суетился медперсонал, лежал чернокожий парень лет двадцати пяти. Когда, принимая пациента в травмпункте, ты видишь его замертво лежащим во всей наготе, подключенным к жизни с помощью многочисленных трубок, трудно поверить, что тот же человек в другое время и в другом месте мог – а главное, еще сможет – двигаться, говорить, быть «взаправду» живым. Воскрешение невероятно, речь идет о настоящем «талифа куми».

Дежурный по отделению неотложной помощи ввел в курс дела: три ножевых ранения в области шеи («Они знают, куда ножичком тыкать», – прокомментировал Омана). Пациент заинтубирован, давление и пульс в норме. Томограмма сосудов не выявила никаких очевидных повреждений. Единственно, что вызывало сомнения, – еле заметная точка на уровне раздвоения сонной артерии. Для консультации вы-

звали Ночного Сокола, как называли радиологов, работавших в ночную смену.

– Что это за точка? Дефект в стенке артерии?

– Не думаю, не похоже.

– Может, лучше отвезти в операционку и проверить? – не унимался Омана.

– Я свое мнение высказал, – пожал плечами Ночной Сокол.

Проведя всю ночь «у станка», я был более чем готов поверить радиологу на слово, но спорить с Оманой мне не по чину, а после моего недавнего кофепития – просто исключено. Омана посмотрел на часы, потом на снимок, потом опять на часы и, наконец, нашел какую-то йоговскую точку пространства, на которую уставился немигающим взглядом. Затем вынес приговор:

– Ладно, скорее всего, он прав. Но проверить все-таки надо. Иди, Хуссейн, на второй этаж, проследи, чтоб подготовили операционку. А ты, Финкель, свяжись с Лайенсом из хирургии сосудов, попроси его приехать.

Под «Хуссейном» подразумевался Назир, а «Финкель» – это я. Каждый день Омана выдумывал какую-нибудь новую ашкеназскую фамилию и без труда убеждал себя в том, что меня именно так и зовут. Финкель так Финкель, какая мне разница? Но на двадцать шестом часу дежурства начинаешь относиться к жизни всерьез, огрызаешься по мелочам. «Извините, доктор, но я не Финкель. Моя фамилия – Стесин».

На те редкие случаи, когда ему нечего ответить (а ответить необходимо), у Оманы припасены две линии дискурса: отборная матерщина и философская проповедь. В данном случае он предпочел последнюю.

– Вот через двадцать лет ты не вспомнишь ни сегодняшнего дежурства, ни нас с Хуссейном, ни Линкольн как таковой. Разве что какая-нибудь необычная операция отложится для рассказов студентам, а больше ничего. Все – вода, доктор. А ты говоришь «не Финкель»... Ты, кстати, сегодня оперировать вообще собираешься?

– Если дадите...

– А как же, ты ведь сюда учиться пришел или как? Крючки-то каждый debil держать может.

Омана оказался прав: темная точка, проступившая на снимке, была дефектом в стенке артерии. Лезвие ножа рассекло эту стенку, не коснувшись внутреннего слоя. Зайди оно на один миллиметр левее, и пациента привезли бы не к нам, а в морг.

«Да, молодец Омана, – приговаривал доктор Лайенс, здоровенный седобородый негр из хирургии сосудов, – если б послушали вашего Сокола и оставили как есть, дня через два артерию обязательно бы прорвало. А так будет жить. Сделаем ему заплатку, будет как новенький... Если только наш молодой доктор сейчас не напортачит. Аккуратнее, молодой человек, скальпель – не лопата, чтоб им копать... Да осторожно же!»

Но было уже поздно. Фонтан артериальной крови ударил мне в лицо, заливая глаза и рот несмотря на маску.

Остаток операции прошел в полной тишине. Уж лучше бы наорали, обматерили, не знаю, выгнали из операционки. Но они и не думали разоряться, просто молча работали, не утруждая провалившегося новичка даже держанием крючков. Наконец этот ужас закончился и аккуратно заштопанного пациента повезли в послеоперационную палату. «Пойду умоюсь», – объявил я ни к селу ни к городу. «Иди». Затем молчание продолжилось в раздевалке, куда следом за мной вошел разочарованный ментор. Я вспомнил, как три часа тому назад вякал по поводу «Финкеля».

– Ты бы хоть умылся как следует, что ли, – посоветовал Омана, – вон на левой щеке подтек остался... Нахимичил ты, конечно, будь здоров. Ладно, не паникуй, доктор, бывает и хуже. По крайней мере, будет что вспомнить... Я вот до сих пор вспоминаю.

– В смысле?

– А я в свой первый день ординатуры пациента убил. С дозировкой калия ошибся, а старший не проверил... Подсудное дело, между прочим. Ну в Бронксе-то, слава Богу, никто ни с кем не судится. Так что, можно считать, мне повезло. У нас тут вообще многим везет, тебе и не снилось.

Он встал на весы; взвесившись, сокрушенно покачал головой, после чего сделал пару отчаянных приседаний, хрустя всеми суставами.

Фуэнтес

Через три дня я уже вполне оправился от своего «хирургического» позора и, превращая провал в анекдот, взаллеб рассказывал о проколотой артерии и фонтанирующей крови, пока сидел в дежурной комнате с Рэйчел Кац, с которой, как мне казалось, я нашел общий язык еще в первые дни стажировки. Однако история моя не позабавила слушательницу; дослушав до конца, многоопытная Рэйчел посмотрела на меня с каким-то задумчивым сожалением: «Ножевое ранение, говоришь... А на ВИЧ твоего раненого проверяли?» Этот вопрос не приходил мне в голову. Нет, конечно, не проверяли, в травмпункте даже его имя-фамилию никто не знал. Нашли на улице без сознания и без документов. Острая травма – это значит все впопыхах и бегом, какая уж там проверка. А между тем поинтересоваться стоило бы. «Тут тебе не Манхэттен, тут половина населения инфицирована». Сейчас он, должно быть, лежит в одной из общих палат, но палат много, а фамилии я так и не знаю. Иголка в стогe сена. «А мы по датам посмотрим в больничном списке, – подсказала Рэйчел. – Вот, пожалуйста, двадцать пятого февраля с ножевыми к нам поступили... Тебе повезло: всего один пациент и поступил. Фуэнтес, Хосе, ножевое ранение в шею. Пойди загляни к нему в медкарту».

Медкарта отыскалась не сразу. Наконец, разворошив оче-

редной ящик, медсестра победоносно извлекла из него огромную бордовую папку и, полистав, шваркнула ее передо мной: «Вот ваш пациент. Только тут еще вот какое дело, доктор... Вы, когда пойдете его осматривать, не могли бы заодно и кровь у него взять на электролиты? А то направление на анализ еще утром пришло, а флеботомиста⁵ не дожدهшься».

Вот он, момент истины. Фуэнтес, Хосе. ВИЧ-статус: положительный. Уровень вирусной нагрузки – выше некуда. Вот и приплыли! Я с ужасом представил себе, как буду глотать антиретровирусную профилактику. На другие, куда более мрачные картины мое воображение не отважилось. Вспомнив о поручении медсестры, я собрал все необходимое для венопункции, но при мысли о крови Фуэнтеса у меня засосало под ложечкой, и я метнулся к ближайшему туалету.

Кажется, где-то это уже было: медик, приученный отвечать спокойствием и рассудительностью на вопрошания больного о диагнозе, неожиданно обнаруживает, что сам всецело зависит от диагноза своего пациента. Нечто среднее между гегельянской парадигмой социального равенства и чеховской «Палатой № 6». Реальность, повторяющая книжные фабулы (вплоть до откровенного плагиата), заставляет человека лишний раз усомниться в достоверности происходящего. При условии что он достаточно отстранен от ситуации, чтобы быть в состоянии позволить себе эту роскошь – усомниться.

⁵ Медицинский работник, чья специальность – забор крови.

Выдавив на палец оставленную кем-то для общего пользования зубную пасту, я старательно тер зубы и отговаривал себя от паники. Ну, допустим, попало в глаза и в рот. Вероятность передачи через слизистую мала, даже если у больного высокая вирусная нагрузка и все такое. В конце концов я пришел в себя, освободил востребованное помещение и поплелся «осматривать» пациента.

Мысленно репетируя предстоящую встречу, я пытался представить, как выглядит Фуэнтес теперь, когда к нему вернулось сознание и спал отек. Перевоплощения часто бывают разительными. Однако такой метаморфозы я предугадать не мог: вместо давешнего афро-латино на койке лежал исхудалый белый человек с воспаленным взглядом и седеющей челкой, спадающей на глаза...

В его внешности было что-то богемно-артистическое, недаром фамилия – Фуэнтес. Может, какой-нибудь внучатый племянник автора «Смерти Артемио Круса», всякое бывает. А может, просто однофамилец. Что героинщик, это точно.

В противоположном углу сидел широкоплечий, бритоголовый мужик в десантной форме.

– Проходи, доктор, не стесняйся. Ничего, что у меня тут гости? Это мой старший брат Карлос, у него побывка.

– Ничего, пусть сидит. – Я снова чувствовал себя хозяином ситуации. – Я вообще-то ненадолго, анализ крови возьму – и все. Вены-то есть? (Я осмотрел его тощие руки – раз-

житься нечем.)

– Не волнуйся, папи, есть на ноге одна вена. Специально для тебя приберег. Глянь вон, какая. В нее и слепой попадет!

– Он про эти дела знает не хуже вашего. Если б захотел, сам мог бы доктором работать, – с неподдельной гордостью сказал Карлос Фуэнтес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.